

Номеровская Анна Дмитриевна

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ КВИР-ТЕОРИИ

В статье рассматриваются концепции власти и субъективации Мишеля Фуко как теоретический каркас современной квир-теории. Раскрываются понятия нормативности и гетеронормативности применительно к проблеме гендерной идентичности в философии Джудит Батлер. Автор делает вывод, что идентичность является нормативным идеалом, поддерживаемым культурно интеллигентными представлениями, которые обеспечивают отношения согласованности и цельности между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 125-128. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141/305

Философские науки

В статье рассматриваются концепции власти и субъективации Мишеля Фуко как теоретический каркас современной квир-теории. Раскрываются понятия нормативности и гетеронормативности применительно к проблеме гендерной идентичности в философии Джудит Батлер. Автор делает вывод, что идентичность является нормативным идеалом, поддерживаемым культурно интеллигибельными представлениями, которые обеспечивают отношения согласованности и цельности между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием.

Ключевые слова и фразы: квир-теория; гетеросексуальная матрица; нормативность; гендерная идентичность; субъективность.

Номеровская Анна Дмитриевна

*Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет
информационных технологий, механики и оптики
chin4illa@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ В ДИСКУРСЕ КВИР-ТЕОРИИ®

Квир-теория развивается на стыке гендерных исследований, феминистской теории и методологии пост-модернизма с преобладанием радикальных социально-конструктивистских позиций. Термин «квир» (queer) в английском языке может применяться как существительное, прилагательное и глагол, но в любом случае он определяется только в противопоставлении с понятием «нормальный» или «нормативность». Квир-теория не имеет единой, систематической, концептуальной или методологической основы, а, напротив, представляет собой коллекцию интеллектуальных подходов к рассмотрению проблемы отношений между полом, гендером и сексуальным желанием. Квир-исследования проходят как исследования многообразия, они сосредотачиваются на исследовании широкого спектра идентичностей, не вписывающихся в традиционную гендерную дихотомию, а квир-теория размывает это до бесконечности, предпочитая говорить о практиках и подрывая само понятие «идентичность». Быть «квир» значит отрицать как нормативную гетеросексуальность, так и гомосексуальность [1, с. 74]. В результате в квир-теории под сомнение ставится продуктивность конструкции любой стабильной идентичности, а также реконфигурируются основанные на ней типы солидарности. Как отмечает А. Джагоз [3], концепт «квир» предполагает новые, более пластичные и значительно менее жестко структурированные идентификационные модели гетероненормативности и признает идею пластичной сексуальности, проблематизируя очевидность самого концепта гомосексуальности как такового. В связи с этим, как формулирует Джагоз, предлагаемый квир-теорией концепт гетероненормативности позволяет избежать дихотомии гомо/гетеро, поскольку ориентируется не столько на формальные признаки пола сексуального партнера, сколько на идеологию, базовые принципы организации сексуальности конкретного субъекта и построение взаимоотношений в паре [5, с. 483-484]. В квир-теории идентичность постулируется как условный, случайный феномен, формирующийся под давлением господствующего дискурса и поддерживающий существующий социальный порядок, переводя её на уровень персональной идентификации и политической организации [3, с. 114]. На этом основании квир-теоретики и основоположники квир-канона, среди которых можно выделить в первую очередь Мишеля Фуко, Джудит Батлер, Ив Кософски Сэдзвик, Элизаберт Гросс и Дэвида Гальперина, предлагают проект радикальной деконструкции идентичности.

М. Фуко считается одним из самых выдающихся теоретиков квир-канона. Наряду с критикой западной метафизики, предпринятой Жаком Деррида, и радикальным пересмотром психоаналитической теории Жака Лакана, многоплановое исследование Фуко проблемы власти и знания сформировало парадоксально дестабилизирующее основание для разработки проблемы человеческого субъекта [14, р. 7]. В своем исследовании сексуальности Фуко не говорит о ней как о физической организации тела или как о поведении, его интересует история того способа, каким в дискурсах, моральных, политических, этических, научных, ставился вопрос о сексуальности, какую форму интереса проявляли к ней после Средневековья [6, с. 23]. Аналитика сексуальности для Фуко была частным примером, на котором он стремился конституировать «политическую экономию» воли к знанию и имманентные ей стратегии власти.

Еще в «Истории безумия» (1961) [11] Фуко определяет отправную точку предложенного им анализа проблемы сексуальности: «Во все времена и, по-видимому, во всех типах культуры сексуальность охватывалась системой принуждения; но только в нашей культуре, причем сравнительно недавно, она оказалась строго поделена между Разумом и Неразумием, а следовательно, ступенью ниже, – между здоровьем и болезнью, нормальным и ненормальным» [8, с. 104]. Первый том «Истории сексуальности» Фуко был написан в 1970-х гг., к моменту окончания так называемой «сексуальной революции» в западной культуре. В нем Фуко рассуждает об общепринятом на тот момент восприятии угнетения сферы сексуального

в Викторианской эпохе, давшей путь прогрессивному раскрепощению и просвещению в XX в. Фуко отрицает значимость «гипотезы подавления» сексуальности и отвечает на столь популярный лозунг 60-х годов о «сексуальном освобождении» еще в статье 1963 года: «Теперь охотно верят, что в современности сексуальность приобрела свою природную истину... Современную сексуальность не характеризует то, что благодаря Саду и Фрейду она приобрела язык своей природы или своей разумности. Благодаря мощи их дискурсов она была «денатурализована» – выброшена в пустое пространство, где ей противостоят весьма жалкие формы предела и где ее потустороннее и все ее разлитие сводятся к прерывающему ее неистовству» [9, с. 113]. В традиционном восприятии, сексуальность мыслилась как естественный атрибут человеческой жизни, как то, что подавлялось в западном обществе и культуре начиная с XVII века (с развитием капиталистической системы), спрятанная от взглядов, немая, запрещенная цензурой не только в письме, но и в речи, тема. Фуко отвергает гипотезу подавления и, напротив, утверждает, что начиная с XVI века имело место значительное разрастание и увеличение дискурсов о сексуальности. Одно из существенных замечаний Фуко – его критика биологического детерминизма в отношении природы сексуальности. Он утверждает, что это конструируемая категория, которая развивается и имеет свои корни в истории, культуре и обществе, а не в природе индивидуумов. Главную роль в формировании сексуальности Фуко отводит институтам и дискурсам (то есть практикам говорения). Задача Фуко – вписать гипотезу подавления в рамки общей экономики дискурсов о сексе внутри современных обществ начиная с XVII века, то есть выявить режим «власть-знание-удовольствие», поддерживающий дискурс о сексуальности [4, с. 304]. Фуко раскрывает механизмы, исполняемые дискурсами, которые побуждают индивидуумов производить знание о своей сексуальности, которая таким образом уже не является чем-то природным или имманентным человеку, но культурным конструктом, который составляет живую ткань отношений власти. Эта форма производства истины о сексе упорядочивалась особой формой власти-знания и использовала процедуру «признания» как основной метод для ее нахождения. Начиная с исповеди в христианской традиции, через медицинские, юридические, семейные и педагогические практики и вплоть до современной науки психоанализа ведется скрупулезная запись истории мужчин, женщин, мальчиков и девочек, которые изучают свои желания, эмоции, мысли, их прошлое и настоящее, рассказывая священнику о своих грехах, доктору – о симптомах, признаваясь в грехах, в желаниях, в преступлениях, признаваясь в истине. Так истина становится сексуальной. В любой процедуре признания задействован один и тот же механизм, где интерпретация или толкование сказанного, процедура «выведения» истины о субъекте производится неким авторитетным лицом или институцией. Истина, которая «обнаруживается» в этом процессе, естественно, не обнаруживается, а производится. Она существует как знание в рамках определенного дискурса, пронизанная отношениями власти. Это обеспечивалось схемой научной регулярности, включающей: клиническую кодификацию принуждения к истине, постулирование всеобщей и диффузной причинности, использование принципа латентности, присущей сексуальности, использование метода интерпретаций и медиализацию последствий признания [7, с. 165-168]. Под медицинской мыслью Фуко понимает способ восприятия вещей, который организуется вокруг нормы, то есть пытается отделить нормальное от ненормального, где медиализация подразумевает средства исправления, которые нельзя назвать в полном смысле средствами наказания, но можно назвать средствами преобразования индивида, с чем связана целая технология поведения человеческого существа [6, с. 14]. Начиная с конца XVIII века и далее, говорит Фуко, сексуальность воспринималась как нечто требующее регуляции и администрирования, а не осуждения. Церковь и Закон уже давно установили режимы регуляции сексуальности, но в эпоху Просвещения были разработаны новые государственные режимы, которые сосредоточились на сексуальности индивида. В измененном виде секуляризованные процедуры церковного признания стали стержнем всего многообразия техник интернализации социальных норм. Именно этот механизм заложил «концептуальную основу» восприятия многих аспектов сексуальности и идентичности в современности, включая оппозицию между гомосексуальностью и гетеросексуальностью.

В параграфе «Имплантация перверсий» [7] Фуко развивает идею о том, что в XIX веке в поле сексуальности выдвинулось новое измерение – измерение «противоестественного». Власть производит и фиксирует сексуальную разнородность, а денатурализованная сексуальность принуждается к дискурсивному существованию. При этом «гетеросексуальная моногамия» [Там же, с. 136] становится тем внутренним нормативом, с которым соотносится все поле практик и удовольствий, а также определяется перверсивная модель субъективности, то есть квір-субъективность как нечто выходящее за рамки данного норматива. В интервью, включенном в сборник «Интеллектуалы и власть» под названием «Власть, великолепный зверь», Фуко говорит, что именно в период капитализма установились отношения между медиализацией и потребностью в определенной социальной эффективности. В религиозной власти интерес к изучению индивидов возник раньше, еще до Реформации (практика благочестия, практика исповеди, управления сознанием, испытания сознания). Именно с XV в. «Запад начал проявлять большой интерес к воспитанию, и притом не только к воспитанию клириков и грамотеев, но и в равной степени и к воспитанию людей, готовившихся стать купцами, коммерсантами, законниками» [6, с. 17]. То же самое происходило в воспитании детей уже с самого раннего возраста, в армии (явления дисциплины возникли в XVI-XVII вв.). Изначально буржуазия озаботилась «всеми этими заботами, касающимися тела, здоровья и нормальности» ради себя и своего потомства, но потом процедуры «нормализации» стали применять к другим социальным слоям, в частности – к пролетариату» [Там же]. Понятие медиализации и нормализации непосредственно связаны в процессе субъективации. Под медиализацией Фуко понимает способ восприятия вещей, который организуется

вокруг нормы, т.е. пытается отделить нормальное от ненормального, что совершенно не совпадает с законным и незаконным; юридическая мысль различает законное и незаконное, медицинская мысль различает нормальное и ненормальное; она пытается наделить себя средствами исправления, которые нельзя назвать в полном смысле средствами наказания, но можно назвать средствами преобразования индивида; с этим связана целая технология поведения человеческого существа, – отмечает Фуко. Политическая власть в обществе феодального типа была «безразличной к людям» [Там же, с. 15], Маркс говорит о чудовищном истреблении рабочего класса в начале XIX в., но с приходом общества капиталистического типа производство должно было стать более эффективным, индивид становится частью процесса прироста капитала, тогда понадобился «отчетливый и конкретный контроль над всем обществом» [Там же]. Медикализация непосредственно с этим связана, так как благодаря медикализации и нормализации удастся получить своего рода иерархию более или менее способных индивидов: тех, кто соблюдает определенную норму; тех, кто отклоняется от нее; тех, кого можно исправить; тех, кого нельзя исправить; тех, кого можно исправить таким-то средством; тех, для кого следует употреблять иные средства.

В рамках репродуктивной концепции однополюс желания и практики были проблемным полем реализации, как отклоняющиеся от воспроизводственной нормы. Став объектом репрессий, гомосексуальность одновременно оказалась и предметом анализа, подвергаясь систематическому исследованию в рамках различных дискурсивных практик, включая демографию, образование, закон, чьи интенции были направлены на сохранение здоровья и чистоты населения. Как говорит Фуко, «было бы неправильно видеть в этом разномножении дискурсов только количественный феномен, нечто вроде простого роста, как если бы было безразлично, что в этих дискурсах говорится, как если бы факт, что о сексе говорят, был сам по себе более важным, чем те повелительные формы, которые говорением о нем на него накладываются. Ибо разве выведение секса в дискурс не упорядочивается задачей изгнать из реальности те формы сексуальности, которые не подчинены строгой экономике воспроизводства, задачей сказать —*нет*» тому, что не ведет к появлению потомства, исключить удовольствия на стороне, ограничить или исключить практики, которые не ведут в конечном счете к продолжению рода?» [7, с. 133-134]. В XVI веке любые формы «противоестественного» сексуального поведения со стороны мужчин или женщин, которые не имели репродуктивной цели, осуждались церковью как грех. В случае с гомосексуализмом в XIX столетии акцент делался не на действии, а на «научно» установленном состоянии индивида.

Модель отношений власти для Фуко представлялась всегда как производящая и полностью исключаящая сопротивление: «Не существует отношений власти без сопротивления ей; чем позднее эти отношения были сформированы, тем более они сильны и эффективны, так как они возникают непосредственно в точке, где отношения власти осуществляются; сопротивление власти не обязательно должно исходить из любого другого места, ни чтобы быть реальным, ни чтобы неуклонно попадать под действие власти, будучи ее соратником» [12, р. 142]. Таким образом, Фуко рассматривает дискурс как поливалентное «возвращенное» образование, являющееся одновременно и инструментом, и эффектом власти, множественность элементов которого может быть задействована в различных стратегиях.

В этой модели «возвращенного» дискурса легко можно увидеть зарождение политик идентичности. Те, кто маркируются культурой как девиантные субъекты, в логике «возвращенного» дискурса получают возможность интегрировать свои модели идентичности в стратегии сопротивления. Так, дискурс сексологии производит «инвертированную» категорию идентичности как аберрацию нормы, но также создает условия рефлексии для индивида относительно своего политического или социального положения. Это также создает возможность для нового словаря и области знания, которые, в свою очередь, непосредственно используются маргинальными субъектами.

Для критического дискурса квир-теории чрезвычайно важным становится понятие гетеронормативности, что можно понимать как систему взглядов, согласно которой люди делятся на два гендера/пола – мужской и женский, у которых есть естественные роли и функции, а также что единственной нормой сексуальных отношений являются гетеросексуальные. В работе «Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности» [10], опубликованной в 1990 году, Батлер эксплицитно развивает идеи Фуко с ориентацией на феминистскую теорию гендера с целью выявить и исследовать естественные и нормативные модели гендера и гетеросексуальности. В теории Батлер гендеру отводится центральное место в анализе сексуального желания и отношений, однако не в части, касаемой теории политической солидарности. Напротив, Батлер использует аргумент Фуко о том, что «сексуальность» производится дискурсом, и расширяет эту идею, включая в нее понятие гендера. Батлер рассматривает гендер как перформативный эффект, который переживает индивидом как «естественная» идентичность.

Гетеросексуальная матрица – функциональное понятие, предложенное Батлер в работе «Гендерное беспокойство». Этим термином автор обозначает определенную сетку культурной интеллигибельности, в которой тела, гендеры и желания приобретают статус естественных. Данное понятие выводится Батлер исходя из предложенной Моник Виттиг концепции «гетеросексуального договора», а также она опирается на введенное Адриен Рич понятие «принудительной гетеросексуальности». Этим определением характеризуется господствующая дискурсивная/эпистемологическая модель гендерной интеллигибельности, в которой стабильный пол, выраженный в стабильном гендере (где мужской выражает мужчину, а женский – женщину), является условием и основанием для непротиворечивости и осмысленности тел. В этой модели гендер определяется через его включение в оппозицию и подчинение иерархии при помощи принудительных

практик гетеросексуальности, которые, по сути, и являются теми регулятивными механизмами, создающими «идентичности» посредством сетки гендерных норм, исключающей любую амбивалентность внутри каждой из асимметричных оппозиций. Таким образом, «идентичность» перестает быть имманентной человеческому опыту, а является нормативным идеалом, поддерживаемым культурно интеллигибельными представлениями об идентичности. «Интеллигибельными» Батлер называет «те гендеры, которые в некотором смысле формируют и поддерживают отношения согласованности и цельности между полом, гендером, сексуальными практиками и желанием» [2, с. 319]. Именно эти «компоненты» и составляют формулу «идентичности», что обуславливает исключенность из семантического поля понятия «личность» тех человеческих существ, которым не удается соответствовать гендерным нормам культурной интеллигибельности, определяющим понятие личности, так как культурная матрица, через которую становится возможным «прочтение» гендерной идентичности, обуславливает существование только определенных «идентичностей» в логике принудительной гетеросексуальности. При этом определенные идентичности, которые лежат вне рамок сетки непротиворечивых гендерных норм и не соответствуют нормам культурной интеллигибельности, не могут «существовать» в данной культурной матрице, так как оказываются внешними по отношению к культурному полю и оказываются логическими парадоксами. «Идентичность» у Батлер выступает как продукт определенных политических практик, которые на случайной основе учреждают необходимый для достижения той или иной цели тип идентичности [Там же, с. 318]. «Гендер», в свою очередь, выступает как сложное образование, тотальность которого постоянно откладывается на будущее и состояние которого в любой момент времени не представляет его исчерпывающе [Там же]. В этом определении заключается критика «идентичности» как самотождественной и внутренне непротиворечивой. Как пишет Батлер, было бы неверным полагать, что дискуссия об «идентичности» должна была предшествовать дискуссии о «гендерной идентичности» по той простой причине, что «личности» становятся доступными пониманию, только обретая гендер (becoming gendered) [10, p. 16], то есть обретая гендерную маркировку в соответствии с легко узнаваемыми стандартами гендерной интеллигибельности.

Список литературы

1. **Аусландер Л.** Женские + феминистские + мужские + лесбийские-гей + квир исследования = гендерные исследования? // Введение в гендерные исследования / под ред. С. Жеребкина. Харьков – СПб.: ХЦГИ; Алетейя, 2001. Ч. II. Хрестоматия.
2. **Батлер Дж.** Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / под ред. Е. Гаповой. Минск: Прополис, 2000. С. 297-346.
3. **Джагоз А.** Введение в квир-теорию / пер. М. Кукарцевой; отв. ред. В. Е. Кашаев. М.: Канон+, Реабилитация, 2008. 208 с.
4. **Дьяков А. В.** Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.
5. **Романцова О.** Аннамари Джагоз. Введение в квир-теорию: интервью и рецензии // Гендерные исследования. 2010. № 20-21. С. 482-487.
6. **Фуко М.** Власть, великолепный зверь // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова; под общей ред. В. П. Большакова. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. С. 7-26.
7. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
8. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху / пер. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1977.
9. **Фуко М.** О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. и пер. С. Л. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111-132.
10. **Butler J.** Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y. – London: Routledge, 1990.
11. **Foucault M.** Folie et deraison. Histoire de la folie a l'age classique. P.: Plon, 1961.
12. **Foucault M.** Power and Strategies // Michel Foucault: Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977 / C. Gordon (ed.). N. Y.: Pantheon, 1980.
13. **Fuss D.** Essentially Speaking; Feminism, Nature and Difference. N. Y.: Routledge, 1989.
14. **Halperin David M.** Saint Foucault: Towards a Gay Hagiography. N. Y. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
15. **Spargo T.** Foucault and Queer Theory. N. Y. – Duxford: Icon Books, Ltd.; Cambridge: Totem Books, 1999.

PROBLEM OF NORMATIVITY IN DISCOURSE OF QUEER THEORY

Nomerovskaya Anna Dmitrievna

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
chin4illa@yandex.ru

The article deals with Michel Foucault's conceptions of power and subjection as the theoretical framework of contemporary queer theory. The notions of normativity and heteronormativity in relation to the issue of gender identity in Judith Butler's philosophy are revealed. The author concludes that identity is a normative ideal supported by culturally intelligible ideas that provide the relations of consistency and integrity between sex, gender, sexual practices and desire.

Key words and phrases: queer theory; heterosexual matrix; normativity; gender identity; subjectivity.